«Вошедши в комедию не прошло еще и получаса, как, подступя к Маркизу, незнакомой слуга сказал» (ч. V, стр. 71).

Деепричастные обороты сравнительно с елагинскими значительно модернизированы: «он пошел, объявив необходимую отлучке своей нужду»; «я удивился, приметя изображенную на лице ея печаль», причем не видно, чтобы Лукин следовал ломоносовской «Грамматике», рекомендовавшей ставить «деепричастие с падежами» в начале предложения.

Изредка наблюдается у Лукина и старинная, елагинская конструкция: «Напоследок, не могли она представить толь шуточного лица, просила Маркиза, чтоб он пожаловал к ней в назначенной дом».

Инверсивного расположения слов в предложении Лукин придерживается даже с большей последовательностью, чем его наставник; канцелярская выучка его сказалась здесь особенно явно: «Паче всего печаль моя умножалась тем, когда я некоторые выражения приметил, кои безсумненно вразумляли меня, что сие ему открытие племянницею моею учинено» (ч. V, стр. 22).

Но если, несмотря на некоторые попытки Лукина к освобождению от архаизмов в языке, общий характер слога все же сближает обоих переводчиков, то в области лексики и фразеологии ученик оказался гораздо радикальнее своего учителя, еще более настойчиво стремясь к русификации и демократизации речи.

Славянизмы есть, конечно, и у Лукина, но это скорее уже реликты славянских форм, сросшиеся с разговорной речью или, во многих случаях, обусловленные приказным стилем лукинской фразы: «уповаешь ли ты, любезный Маркиз»; «долженствую я предуведомить читателя о некоторых обстоятельствах, кои удивить его могут» (ч. V, стр. 25); «не учинишь ли меня жестокоствию своею еще злополучнее того, как я уже частью <судьбою> моею приведенна» (ч. V, стр. 28).

Заметно, что во многих случаях Лукин явно старается избежать славянизмов, обычных для Елагина, у него находим: «который принял за благо» — вместо «за благо рассудил»; «раздавала избыточественно» — вместо «щедро»; «на одине» — вместо «на едине»; «известился о его тайне» — вместо «тайнстве»; «одним днем» — вместо «однажды»; «корабельная пристань» — вместо «пристанище»; «показалось еще новое явление» — вместо «вступление»; «перервать», «перемена», «середина дня» — вместо соответствующих славянских неполногласных форм.

Интересны варваризмы у Лукина. Помимо иноязычных слов, которые были широко известны в его время (кабинет, маскарад, махина <машина>, характер, амфитеатр, артиллерийский док, баталия, контора), замечаем у него и здесь неизменную тенденцию